

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: В ПОИСКАХ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

- Социокультурные приоритеты развития Беларуси в контексте современных концепций модернизации
- Социальная справедливость как фундаментальная константа белорусской государственности: философско-исторический анализ
- Ценностные параметры социального капитала в современной Беларуси
- Взаимодействие церкви и государства в контексте современной геополитической ситуации
- Государство и гражданское общество: философско-политические аспекты диалога

УДК 316.3:316.4

Социокультурные приоритеты развития Беларуси в контексте современных концепций модернизации

В. В. Анохина, кандидат философских наук, доцент*

Данная статья посвящена анализу специфики современного этапа модернизации, получившего в научной литературе название «постмодернизация». Рассматривая существенные признаки этой стадии, автор обосновывает социокультурные приоритеты модернизации белорусского общества, которые призваны обеспечить ему успешную интеграцию в систему глобальных взаимодействий с одновременным сохранением собственной идентичности и государственного суверенитета.

Ключевые слова: модернизация, постмодернизация, постсовременное общество, социокультурные приоритеты развития, глобализация, социальные трансформации, национальная идентичность.

Socio-Cultural Priorities of Belarus' Development in the Context of the New Conceptions of Modernization

V. V. Anohina, PhD in Philosophy, Associate Professor

The paper is devoted to analysis of the current stage of modernization, received in the scientific literature as the «post-modernization». Considering the essential features of this stage, the author substantiates sociocultural development priorities of the Belarusian society, allowing it to successfully integrate into the global interactions by keeping national identity and sovereignty.

Key words: modernization, post-modernization, postmodern society, sociocultural development priorities, globalization, social transformations, national identity.

Вторая половина XX в. в социокультурной динамике современных обществ отмечена особым типом модернизации, который во многом предопределил их переход к информационно-постиндустриальному типу социально-экономического развития. Социальные теоретики именуют его по-разному: «радикальный, или поздний модерн» (Э. Гидденс), «рефлексивная модернизация» (У. Бек), «глобальный модерн» (Д. Нейберт и Е. Макамо), «альтернативный модерн» (Р. Гринштейн), «отложенный модерн» (А. Малаин), «первый / второй модерн» (К. Леккарди),

«глоболокальный модерн» (С. А. Кравченко) и т. д. Существует и другая точка зрения, согласно которой новая фаза модерна является постмодернизацией, или переходом к постсовременному состоянию, качественно отличному от проекта модерна (Дж. Грей, З. Бауман, П. Дракер, Э. Гидденс, Р. Ингларт и др.). Сегодня в политической философии и социальных науках по-прежнему дискуссионными остаются проблемы разграничения стадий модернизации и перехода к «постсовременности» как особому социокультурному состоянию, знаменующему выход за пределы классического модерна.

В этом контексте целью предлагаемой вниманию читателей статьи является выделение социокультур-

* Докторант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

ных приоритетов модернизации белорусского общества, соответствующих вызовам глобального мира и специфике постсовременных форм социальной трансформации.

Как известно, результатом первых этапов модернизации стран Запада стало формирование индустриального общества, которое вывело на первый план массы усредненных атомизированных индивидов и социальную бюрократию, направленную на их организацию и упорядочение. Следующий виток модернизации привел к становлению развитых форм индустриализма, так называемого «общества потребления», стремящегося к высоким социальным стандартам. Ценностный дисбаланс социокультурных программ «общества потребления» и необходимость перехода к постсовременной фазе развития означены рядом новых симптомов, среди которых на первый план выступают следующие.

1. Идеология консьюмеризма привела к ослаблению аскезы труда, в результате чего движущая сила первого европейского модерна — трудовая этика протестантизма — была поставлена под сомнение [4, с. 212]. 2. Индустриализация и присущая ей стратегия экспоненциального экономического роста обнаружили свою экологическую несостоятельность [1, с. 269]. 3. Философская рефлексия ценностных оснований западной культуры, спровоцированная первым модерном, переболев постмодернистской иронией и скептицизмом, переросла в критику нравственного релятивизма и партикуляризма, которые деморализуют общество, ориентируя индивида на ценности инструментального успеха и материальные формы престижеобретения. 4. Все более значимую роль в политике и культурной жизни стран, модернизирующихся в условиях прессинга глобализации, начинает играть религия. Ускоряющийся процесс глобализации парадоксальным образом обнаруживает значимость культурно-религиозных, цивилизационных границ, дифференцирующих постсовременный мир гораздо более эффективным образом, чем государственные границы. 5. Возникают новые глобальные вызовы и угрозы (экологические и демографические проблемы, международный терроризм, изменение геополитической конфигурации мира и появление новых региональных центров силы, рост межцивилизационных и межнациональных конфликтов, борьба за относительно возобновимые ресурсы планеты и др.), которые заставляют изменять содержание проектов модернизации.

Эти проблемы и противоречия, рассматриваемые сегодня как наследие эпохи модерна, порождают различные модели новой фазы социальных трансформаций. При этом речь идет не только о развивающихся странах, но также о постинду-

стриальных обществах Западной Европы и Северной Америки, которые пребывают в процессе перманентных социальных трансформаций, направленных на инновации, устойчивое развитие, рост человеческого и социального капиталов, улучшение качества жизни и окружающей среды.

Согласно мнению Ульриха Бека, новую фазу модернизации западных стран можно назвать «обществом риска» [2]. Он отмечает, что в эпоху развитой современности центральным вопросом социальной динамики становится вопрос рисков развития, способов их минимизации и контроля. На смену идеалам равенства приходит принцип безопасности. Поэтому модернизация утрачивает характер естественного процесса рационализации общественной жизни. Она становится предметом профессионального прогнозирования и проектирования, а следовательно, превращается в специфический социальный конструкт, олицетворяющий власть технократических транснациональных элит.

В социальных науках отмечают также другие особенности новой формы модерна, среди которых следует выделить следующие, неоднозначные по своим последствиям трансформации. Во-первых, для нового этапа модернизации характерно увеличение степени открытости социальных систем и смещение акцента на горизонтальные социальные взаимодействия, что сопровождается ростом неопределенности функционирования общественных институтов и усилением значимости ценностно-смыслового измерения социальной реальности.

Во-вторых, релятивизация традиционных ценностно-нормативных систем социальной регуляции на первый взгляд облегчает усвоение либеральных моделей организации общественной жизни, поскольку способствует рационализации отживших институтов. Но вместе с тем она ставит под удар национальную идентичность, лишает культуру темпоральной глубины, способствует массовизации сознания и поведения индивидов, что создает благоприятную почву для воскрешения тоталитарных режимов.

В-третьих, для современных обществ характерны усложнение и дифференциация пространственно-временных характеристик социума, в частности, «глокализация» пространства и «компрессия» времени. Эта тенденция имеет несколько измерений. Наиболее опасной для современных форм модернизации является так называемая денационализация [3, с. 32—33]. Поэтому глокализация социального пространства частично может рассматриваться как реактивный ответ на вызовы глобализации, как попытка реанимировать традиционный опыт в качестве основания дальнейшего развития.

В-четвертых, следует отметить усиление значимости рефлексивных культурных практик и соци-

альной самоорганизации граждан, формирование новых форм демократии и гражданского общества. Новая фаза модернизации характеризуется поиском синтетических моделей социальной динамики, которые гармонично сочетали бы экономическую эффективность, ориентированную на стандарты «sustainable development», новейшие технологии как следствие опережающего развития фундаментальных наук и опору на ценности традиций, задающих знаково-символическую матрицу культурно-цивилизационной идентичности.

Согласно В. Г. Федотовой, «представление о постсовременном обществе (postmodern society) сближает черты традиционного и современного обществ. Оно включает в себя: ориентацию на новое с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной личности и вместе с тем одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора» [4, с. 227].

На фоне подобных характеристик нового модерна рельефно проступают проблемы, которые неизбежно встают перед белорусским обществом, вступающим на путь вторичной модернизации в условиях нарастающего давления глобальных факторов. В стратегиях постсоветской трансформации Беларусь отчасти воспользовалась азиатской политэкономической моделью реформирования базовых социальных институтов. Речь идет о модели «developmental state» (или государства, ориентированного на развитие), восходящей к теории «гусиного клина», разработанной японским экономистом К. Акамацу [5, с. 26—28, 62—76]. Эта модель предполагала ведущую роль государства в планировании и осуществлении модернизации. В частности, сосредоточение в его руках экономической власти, определенную независимость аппарата управления от социальных процессов, тесную связь государства и бизнеса. Экономическая власть государства могла быть использована для проведения структурных социально-экономических преобразований, технологической модернизации страны, достижения самоподдерживающегося экономического роста, ее политической и институциональной модернизации. Механизма-

ми трансформации должны были стать создание устойчивого монетарного равновесия, предотвращение массовой безработицы и роста неравенства в доходах, стимулирование импорта технологий и экспорта готовой продукции, гибкая таможенная политика, направленная на защиту внутреннего рынка, установление дифференцированных процентных ставок и монополии определенных производителей. В принципе, важнейшим достоинством данной модели, частично апробированной в Беларуси, можно считать отсутствие «шоковой терапии», сохранение рабочих мест и постепенность осуществляемых реформ как гарантии макроэкономической и социальной стабильности.

Однако эффективность подобной модели предполагает в качестве одного из условий неограниченный объем дешевой рабочей силы, что стало одним из факторов успеха модернизации в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Белорусскому обществу также не удалось вполне избежать основной ловушки азиатской стратегии модернизации — неспособности построить эффективную систему функционирования государственного аппарата. Как показал анализ азиатских форм модернизации, проведенный знаменитым шведским экономистом Карлом Гуннаром Мюрдалем (Нобелевская премия по экономике была присуждена Мюрдалю совместно с Фридрихом фон Хайеком в 1974 г.), проблемой успешной модернизации ряда азиатских стран часто является укорененный в национальной ментальности статус бюрократа — чиновника, наделенного правом действовать по своему усмотрению в пределах руководимой им отрасли [6, с. 951—952]. В условиях отсутствия развитого гражданского общества и политико-правовой инфраструктуры такое положение чиновника легко порождает коррупцию, сращивание бизнеса и бюрократических структур, препятствуя эффективному развитию экономики. Предприниматель скорее ориентируется на установление личных контактов с представителями власти, чем на объективные требования рынка и рост производительности труда.

Противоядием этому могут стать организационные инновации, найденные восточноазиатскими «тиграми». Суть их заключается в создании особых совещательных органов, состоящих из представителей бизнеса и отраслевых предпринимателей, работников предприятий, управленцев, свободной прессы, ученых и специалистов, а также потребителей выпускаемой продукции. Основной функцией этих органов должно быть принятие экономических решений в условиях обмена достоверной информацией. Как показали исследования А. Пилясова и его группы, совместное определение правил экономического регулирования резко повышает эффектив-

ность государственных программ социального развития, снижает коррупцию, предотвращает лоббирование, позволяет аппарату управления иметь многосторонние каналы информации и благодаря этому объективное представление о ситуации [7].

Модернизация Беларуси не может миновать ключевые параметры успеха: структурные изменения в основных отраслях экономики, нацеленные на диверсификацию энергетики и производства, использование новых технологий, экологическую модернизацию на основе принципов «sustainable development», углубление разделения труда и рост его производительности, создание динамичных рынков денег, товаров, услуг и рабочей силы. Важнейшим условием успеха можно также считать институциональную трансформацию белорусского социума. Согласно исследованиям другого нобелевского лауреата (1979) — Теодора Шульца, инвестиции в развитие человеческого капитала можно считать решающим фактором успешной модернизации [8, с. 249].

Обобщая результаты анализа, можно выделить следующие социокультурные приоритеты модернизации белорусского общества. Прежде всего это углубление демократизации на фоне усиления роли государства в структурных экономических преобразованиях страны и принятии решений. Постмодернизация требует консолидации сил, но она не может осуществляться по аналогии с «контрмодернизацией» советского образца, основанной на репрессивных механизмах контроля. Темпоральная множественность современных социокультурных пространств требует изменения механизмов координации социальных действий, что порождает новые формы гражданских объединений, практик, инициатив, новые технологии виртуальных коммуникаций. Развитие новых форм гражданского общества предполагает снижение аффективной вовлеченности индивидов в социальные взаимодействия, модификацию и критическое переосмысление самобытных культурных паттернов мировосприятия, минимизацию подсознательного воздействия идеологических клише и ментальных стереотипов на поведение индивидов.

Следует отметить, что перспективы демократизации незападных стран сегодня представляют собой наиболее спорный вопрос. Возможно, что под влиянием новых форм глобализации и успешности проводимых реформ будет осуществляться последовательная гуманизация политических институтов незападных стран. Хотя не исключены и противоположные сценарии, обусловленные перенапряжением сил в ходе модернизации, что характерно для обществ с высоким уровнем бедности. Демократизация, которая может принимать различные культурно-цивилизационные формы,

конечно, предпочтительнее с учетом необходимости достижения транснационального и межцивилизационного консенсуса в глобальном мире.

Второй вектор социальной динамики белорусского общества обусловлен необходимостью развития человеческого потенциала, адекватного требованиям современной стадии развития. Социализация является одной из наиболее инерционных социокультурных подсистем, непосредственно испытывающей на себе воздействие культурных традиций и особенностей национального менталитета. Особое значение в ее структуре имеют технологии и практики образования, благодаря которым формируется тот интеллектуальный и социальный капитал, без которого немислимо эффективное участие страны в развитии глобальной техносферы, технико-технологические подсистемы которой вышли далеко за пределы национальных границ.

Специфика легитимации нового модерна должна заключаться в ее открытости для кросскультурной коммуникации, предполагающей включение в диалог важнейших культурно-цивилизационных центров глобальной культуры. Сегодня необходим совместный поиск объективных оснований развития, фундирующих потенциально возможное совпадение интересов различных стран и регионов планеты. Вероятно, такие основания будут сформированы общностью рисков, экологических вызовов и социально-технологических угроз, безразличных к культурной специфике населяющих Землю народов. Однако поиск ответов на эти вызовы предполагает актуализацию их уникального культурно-исторического опыта, требующего нового прочтения и творческого развития в контексте встающих перед нами задач.

Список цитируемых источников

1. Gore, A. Earth in the balance / A. Gore // Ecology and the Human Spirit. — N. Y., 1993.
2. Бек, У. Общество риска На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / У. Бек. — М., 2001.
4. Козловский, В. В. Модернизация : от равенства к свободе / В. В. Козловский, А. И. Уткин, В. Г. Федотова. — СПб., 1995.
5. Hatch, W. Asia in Japan's Embrace. Building a Regional Production Alliance / W. Hatch, K. Yamamura. — Cambridge University Press, 1996.
6. Myrdal, G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations / G. Myrdal. — N. Y., 1968. — Vol. I—III.
7. Пиласов, А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пиласов. — М., 2009.
8. Schultz, T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Reseach / T. Schultz. — N. Y., 1971.

Дата поступления в редакцию: 14.06.2014 г.